

ВЗЛЁТ РАЗРЕШЁН: СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

ДМИТРИЙ ФОК

Взлёт Разрешён

Дмитрий Фок

**Взлёт Разрешён:
Свои среди чужих**

«Автор»

2026

Фок Д.

Взлёт Разрешён: Свои среди чужих / Д. Фок — «Автор»,
2026 — (Взлёт Разрешён)

Артём Вей, позывной «Призрак», — пилот с уникальным даром: он чувствует вероятностное поле боя, видит зоны смерти и коридоры выживания. Вместе со своим звеном — старым волком Грозовым, дерзкой перехватчицей Линой, аналитиком Линдом и не улыбающимся командиром Танакой — он переведён на флагманский дредноут «Громовержец», восьмикилометровую крепость, где формируется элитное подразделение спецназначения.

© Фок Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Красный уровень	5
Глава 2: «Громовержец»	11
Глава 3: Сообщение	14
Глава 4: Обсуждение в кубрике	17
Глава 5: Отвальная	20
Глава 6: На борту «Громовержца»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Фок

Взлёт Разрешён: Свои среди чужих

Глава 1: Красный уровень

Артём Вей проснулся за две минуты до сигнала.

Это стало привычкой, которую он не выбирал сознательно, — тело само выучило ритм корабля и просыпалось раньше, чем система освещения кубрика начинала свой медленный подъём от угольной черноты до тусклого янтаря. Он лежал в своей койке, слушая. Так его научила слушать Юнь Бай — не ушами, а всем естеством. «Немезида» дышала: где-то за переборкой прогонялся насос системы охлаждения, циклично, с лёгким подхрипом на верхней точке. Вентиляция гнала чуть тёплый воздух, пахнувший смазкой, озоном от ионизаторов и остывшим кофе из автомата в конце коридора. Под всем этим — низкий, почти не слышимый гул реакторов, который за всё время вьелся в кости так, что тишина уже пугала бы больше, чем шум.

Он поднял руку к лицу. В полумраке пальцы дрожали — мелко, знакомо, как всегда. Тремор, который сопровождал его столько, сколько он себя помнил, с того самого года, когда ему было одиннадцать и пустота над Тарсисом ответила. Вне кабины руки жили своей жизнью. Он давно перестал стыдиться этого перед собой. Стыдиться перед другими — другое дело, но и это почти прошло.

Свет пополз вверх. Койки зашевелились.

— Опять ты первый, — просипел Ортега, не открывая глаз. — Ты вообще спишь, Призрак, или притворяешься?

— Сплю, — сказал Вей.

— Лукавишь. Призраки не спят.

Вей встал с кровати, стараясь не наступить на разбросанные внизу ботинки. В кубрике «Грифонов» было тесно, как в консервной банке, — двенадцать коек в два яруса, узкие рундуки, откидной стол, вечно занятый чьими-то планшетами и кружками. На переборке над столом висел информационный экран, и он уже светился — приглушённо, дежурным режимом, показывая стандартную сводку.

В верхней строке, как и последние девять дней, горело слово, к которому все привыкли и одновременно не могли привыкнуть:

УРОВЕНЬ ГОТОВНОСТИ ФЛОТА: ОРАНЖЕВЫЙ.

Оранжевый. Предпоследний. За ним — только красный, а красный означал одно.

Вей налил себе воды из бачка — тёплой, с металлическим привкусом, — и сел на скамью у стола. Напротив уже сидел Хасан, вёдливый тактик с вечно нахмуренными бровями, и листал учебные карточки: голографические силуэты кораблей Автономии медленно вращались над его планшетом. «Шершень». «Оса-перехватчик». Лёгкий крейсер класса «Скорпион». Хасан смотрел на них так, будто хотел выучить наизусть каждую заклёпку.

— Не спится? — спросил Вей.

— Спит плохо, — не поднимая глаз, ответил Хасан. — Знаешь, что странно? Мы столько времени сидим на оранжевом. Больше двух недель. И привыкли. А ведь оранжевый — это значит, что война уже решена. Её просто ещё не подписали.

За спиной кто-то фыркнул. Это была Лина.

Она сидела на своей верхней койке в дальнем углу, поджав ноги, и методично проверяла швы гермозащиты лётного комбинезона — проводила пальцем по стыку у горла, потом у запястий, будто искала микротрещину, которой не могло быть на новом снаряжении. Белые корот-

кие волосы торчали после сна во все стороны, веснушки казались темнее обычного на бледном после ночи лице.

— Подписали, не подписали, — сказала она, и в её речи, ещё сонной, «проксиманский» акцент глотал окончания сильнее обычного. — Разниц'. «Шершень» не спрашивает, подписано или нет. Он стреляет.

— Философия «Осы», — хмыкнул Ортега снизу.

— Заткнись, Ортега.

Вей смотрел на её пальцы, скользящие по шву. Он знал этот жест. Все в эскадрилье обзавелись такими маленькими ритуалами за последние недели — способами занять руки, пока голова думала о том, о чём думать не хотелось. Хасан листал карточки. Ортега перечитывал письма с домашней станции, которые уже знал наизусть. Громов чистил флягу, хотя чистить её было бессмысленно — гравировка стёрлась годы назад. Сам Вей — считал. Один. Два. Три.

Дверь кубрика с шипением отъехала, и внутрь ввалился Громов.

Он заполнял дверной проём целиком — огромный, рыжебородый, с плечами, которые задевали косяки. За четыре года в тесных коридорах «Немезиды» он так и не научился входить в помещение аккуратно; он входил как ледокол.

— Подъём, Грифоны, — прогудел он, хотя все уже не спали. Голос-колокол разбудил бы и мёртвого. — Есть новости. Плохие или очень плохие — выбирайте по вкусу.

Он не улыбался. Это было первое, что заметил Вей. Громов почти всегда улыбался, даже когда говорил о смерти, — особенно когда говорил о смерти. Сейчас уголки его рта под бородой были опущены, а маленькие карие глаза не блестели.

— Через двадцать минут общекорабельное, — сказал он. — Всем в парадку. Хольц будет говорить.

— Из-за чего? — спросил Хасан, хотя по лицу его было видно, что он уже понимает о чём будет речь.

Громов посмотрел на экран, где горело слово ОРАНЖЕВЫЙ, и потёр бороду широкой ладонью — медленно, будто хотел стереть с лица усталость.

— Из-за того, — сказал он тихо, и от этой тихости у Вея в животе стянуло узел, — что цвет, наконец, сменится на красный, начнёт соответствовать реальности, в которой они живут последний месяц.

Никто не ответил. Насос за переборкой сделал очередной цикл, подхрипнул на верхней точке. Лина перестала водить пальцем по шву.

— Одевайтесь, — сказал Громов уже громче, привычно, и в голосе снова появилась привычная бравада, но теперь она звучала как заплатка на прохудившейся ткани. — Хольц не любит ждать. И я не люблю.

Он вышел. Пять минут «Грифоны» одевались в молчании, какого Вей за ними не помнил.

Парадный китель сидел на нём непривычно жёстко после недель в рабочем комбинезоне. Ткань пахла хранилищем — сухим, стерильным запахом законсервированной одежды. На левой стороне груди — нашивка эскадрильи: стилизованный грифон, распахнувший крылья над пятиконечной звездой. Вей провёл пальцем по нашивке, разглаживая несуществующую складку. Руки дрожали. Он сжал их в кулаки, разжал. Не помогло.

Общекорабельное построение проходило на нижней ангарной палубе — единственном месте на «Немезиде», способном вместить сразу столько людей. Вей шёл туда в общем потоке: пилоты, техники, матросы, офицеры мостика в чёрно-серой форме, оружейники в оранжевых жилетах. Тысячи людей стекались по системным коридорам, и гул шагов, помноженный на металл переборок, превращался в ровный рокот, похожий на прибор.

Он никогда не видел моря. Он читал о нём. Мать рассказывала — до Тарсиса, когда всё ещё было. Она говорила, что море похоже на небо, только внизу, и что звёзды в нём отражаются, как в чёрной воде. Вей отогнал воспоминание. Не время.

Палубу освободили от истребителей — их отогнали в дальние ниши и на верхние ярусы, — и от этого пространство казалось огромным, гулким, чужим. Люди выстраивались по подразделениям. «Грифоны» встали рядом с «Манतिकорами». Вей нашёл взглядом командера Холт — высокую, прямую, с короткими тёмными волосами, тронутыми на висках сединой. Она стояла во главе своей эскадрильи, заложив руки за спину, и её тяжёлый взгляд скользил по строю с профессиональной цепкостью человека, который годами ждал приказа, чтобы наконец сделать то, к чему готовился.

Танака стоял перед «Грифонами». Невысокий, смуглый, с тяжёлыми веками и глубокими складками у рта, он был неподвижен, как вкопанный столб. Только правая рука с розоватым глянцевым шрамом от ожога время от времени касалась левого запястья — там, под манжетой кителя, были механические часы. Вей знал про эти часы. Знал про четыре имени, выгравированные на внутренней стороне крышки. Но не знал, кто эти четверо.

На возвышении, собранном из грузовых платформ, появился капитан Хольц.

Он был высок и прям, лицо будто вырезали из серого камня, седые волосы зачёсаны назад без единой выбившейся пряди. На груди — орден «Звезда Элизиума», единственное яркое пятно на тёмном мундире. Он подошёл к краю платформы, и палуба стихла так резко, будто кто-то повернул регулятор громкости в ноль. Остался только гул реакторов, вечный, костный.

Хольц не стал тянуть.

— Экипаж «Немезиды», — его голос, усиленный корабельной трансляцией, отражался от переборок и возвращался с секундной задержкой, накладываясь сам на себя. — Сорок минут назад Седьмой Ударный Флот получил директиву Адмиралтейства. Я зачитаю её без сокращений.

Он поднял планшет. Свет верхних ламп лёг на его лицо, и Вей увидел, что даже у этого каменного человека под глазами залегли тени.

— «Сенат Конфедерации Объединённых Миров, рассмотрев акты агрессии Автономии Внешнего Предела, включая разрыв переговорного процесса, атаки на пограничные конвои и вторжение боевых соединений в системы линии Хейердала, объявляет о начале полномасштабных боевых действий. С настоящего момента флот переходит в состояние войны. Уровень готовности повышается до красного».

Слово упало в тишину, как гайка на стальной пол.

Красный.

Вей смотрел на затылок стоящего впереди матроса — молодого парня с коротко стриженной шеей, покрасневшей от волнения, — и слушал, как за спиной у него по строю прошла волна. Не звук. Движение. Тысячи человек чуть заметно качнулись, будто корабль накренился, хотя гравитация держала ровно. Кто-то втянул воздух. Кто-то переступил с ноги на ногу. Лина рядом стояла неподвижно, но Вей краем глаза видел, как её челюсть сжалась так, что на скуле проступил желвак.

Хольц опустил планшет.

— Я не буду говорить вам речей, — сказал он, и голос его стал суше, ближе, будто он снял с него официальную оболочку. — Вы взрослые люди. Многие из вас уже были в боях. Вы знаете, что такое Автономия, и знаете, что нас ждёт. Скажу одно. Красный уровень — это приказ работать. Флот не выиграет войну речами. Его выиграете вы — каждый на своём месте. Оружейник, который вовремя перезарядит батарею. Техник, который найдёт трещину раньше, чем она дойдёт до фонаря. Матрос, который заделает пробоину. Пилот, который вернётся и приведёт ведомого.

Он сделал паузу. Гул реакторов заполнил её.

— Мы получили приказ о передислокации. Через шесть часов «Немезида» снимается с позиции у Эридан-Прайма. Подробности доведут командиры подразделений. Пока — вернитесь к обязанностям. Каждый час теперь стоит дороже, чем вчера.

Он выпрямился, отдал честь строю.

Строй начал распадаться на подразделения. Гул голосов нарастал, но был приглушённым, придавленным. Танака повернулся к «Грифонам».

— Инструктаж через час в брифинг-комнате, — сказал он ровно, будто зачитывал прогноз. — До этого — в ангар. Проверить машины. Все.

— «Все» — это значит «все», — добавил Громов вполголоса, когда Танака отошёл. — Не филоньте. Мне кажется, командер сегодня не в настроении для лирики.

Вей шёл в ангар «Браво» вместе с потоком, и ему казалось, что коридоры стали уже. Это было иллюзией — коридоры не менялись, — но восприятие сжимало их, будто корабль подобрался, приготовился к прыжку. На переходе к ангару он миновал экран корабельной сети. Строка сменилась. Там, где раньше горело ОРАНЖЕВЫЙ, теперь пульсировало ровным, недобрым светом:

УРОВЕНЬ ГОТОВНОСТИ ФЛОТА: КРАСНЫЙ.

Он остановился на секунду. Один. Два. Три. Пошёл дальше.

Ангар «Браво» встретил его знакомым запахом — гарь, охлаждающая жидкость, разогретый металл, острый озон нейроинтерфейсных контуров. Здесь всё было настоящим. Здесь дрожь в руках почти уходила.

Истребители стояли рядами — приземистые хищные «Саблезубы», с закопчёнными от последних боёв соплами и свежими заплатами на обшивке. Грифон-12 стоял на своём месте, третьим от прохода. Кто-то невысокий возился у его правого борта, под откинутой панелью.

Юнь Бай.

Она стояла на приставной лесенке, дотягиваясь до открытого лючка под кабиной — того самого, за жёлтой полосой, помеченного как 7-Б. Нейроинтерфейсный контур. То, что нельзя трогать никому, кроме неё. Маленькая, сухая, жилистая, в потёртом комбинезоне, с седыми волосами, стянутыми в тугий пучок, из которого не выбивалась ни одна прядь. На шее — тонкая цепочка с чем-то металлическим, скрытым под воротом.

Вей подошёл. Она не обернулась — она никогда не оборачивалась, чтобы посмотреть, кто идёт; она узнавала людей по шагам.

— Слышала, — сказала она, не отрываясь от контура. В руках у неё была мягкая ткань, и она протирала внутреннюю поверхность панели медленными, круговыми движениями, будто гладила что-то живое. — Красный.

— Когда только успела?

— Мне не надо слышать объявления, чтобы знать, что война началась. — Она подцепила пальцем крохотную частицу нагара на разъёме, сняла, осмотрела на свет. — Я знаю по машинам. Когда война близко, машины начинают чаще ломаться. Не потому что хуже сделаны. Потому что люди спешат. Спешат — значит трясут. Трясут — значит контакты отходят. — Она вставила разъём на место, щёлкнула фиксатором. — Война — всегда грязные машины.

Вей смотрел, как она работает. За всё последнее время он привык к её рукам — перепачканным, с короткими ногтями и жёлтыми мозолями на подушечках пальцев, — и к тому, как эти руки двигались среди хрупкой электроники с точностью, которой ему было не достичь. Он мог провести машину сквозь пояс астероидов. Но не всегда мог откалибровать нейроконтур, не сбив настройку на три часа.

— Танака сказал проверить всё, — сказал он.

— Танака прав. — Она наконец спустилась с лесенки, отряхнула ладони о комбинезон, отчего на нём стало на два серых пятна больше, и посмотрела на него снизу вверх — она была ниже его на голову. Глаза у неё были тёмные, спокойные, много повидавшие. — Показывай.

Он протянул руки.

Она взяла его правую ладонь в свои — сухие, шершавые, тёплые, — и подержала, глядя, как подрагивают пальцы. Так она делала в самый первый день, в ангаре, когда он только при-

был, — «Руки покажите». Тогда это было испытанием. Сейчас — чем-то другим, что он не мог назвать.

— Дрожат, — сказала она. Как тогда. Констатация, не приговор.

Она отпустила его руку. На мгновение её взгляд задержался на его лице, будто она хотела что-то добавить, но вместо этого коротко кивнула на Грифон-12.

— Он в порядке. Соплб левое я заменила, старое прогорело у Эридана. Контур настроен.

— Она похлопала машину по борту, там, где рядом с кабиной была нарисована маленькая белая звезда — его звезда. — Лети, куда прикажут. Он тебя доставит.

— Спасибо.

— Не мне. Ему. — Она уже отвернулась, потянулась за ветошью. — Иди на свой инструктаж. И, Вей.

Он остановился.

— Что бы там ни сказали, — проговорила она, не глядя на него, вода тряпкой по чистой уже панели, — куда бы ни отправили. Береги руки. Они у тебя честные. Дрожат, потому что помнят. Это не слабость.

Вей не нашёл, что ответить. Он просто постоял секунду, потом пошёл к выходу. У порога оглянулся: Юнь Бай снова стояла на лесенке, склонившись к нейроконтуре, и губы её беззвучно шевелились. Она шептала машине. Свой ритуал. Вей так и не узнал, какие слова она говорит. Он думал, что и не должен знать.

Брифинг-комната ангара «Браво» была тесной, с рядами откидных кресел и большим тактическим экраном. «Грифоны» и «Мантикоры» набились вместе — теперь их часто инструктировали совместно. Вей сел рядом с Линдом.

Маркус Линд выглядел, как всегда, собранным — сухощавый, с прямой осанкой, тёмные волосы коротко стрижены, седина у левого виска. Он держал на коленях планшет и что-то помечал на нём стилусом, но, когда Вей сел, отложил.

— Красный, — сказал Линд негромко, будто пробуя слово на вкус. — Знаешь, я три года летал на транспортниках и думал, что война — это то, что происходит с другими. С боевыми эскадрильями. С теми, кому повезло или не повезло. — Он усмехнулся уголком рта. — А теперь я сижу здесь и понимаю, что «другие» — это я. Забавно, как всё меняется, если подождать достаточно долго.

— Ты не жалеешь? — спросил Вей.

Линд посмотрел на него — спокойно, чуть устало.

— Нет. Я слишком долго хотел сюда попасть, чтобы жалеть теперь. — Он снова взял планшет. — Просто отмечаю, как странно устроена голова. Она готова к смерти абстрактно и совершенно не готова к ней конкретно.

Вошёл Танака. За ним — Холт. Разговоры стихли.

Танака встал у экрана, коснулся панели. Экран зажётся звёздной картой — сектор Эридан-Прайм в центре, россыпь систем вокруг, линия Хейердала, прочерченная красным пунктиром, и за ней — территория Автономии, помеченная серым.

— Приказ, — сказал Танака без предисловий. — «Немезида» покидает Эридан-Прайм. Оборону сектора принимают прибывшие «Фаланги» — «Аурелия» и другие. Наша задача изменилась.

Он тронул панель. Красная линия загорелась ярче, и по ней, от Эридан-Прайма, потянулся вектор — за линию Хейердала, вглубь серой зоны.

— Мы следуем в систему Ахерон-девять.

По комнате прошёл шёпот. Ахерон. Вей увидел, как в первом ряду один из «Мантикор» — молодой энсин Камаль — переглянулся с соседом.

— Ахерон-девять, — продолжал Танака ровно, — серая зона. Буфер между линией Хейердала и территорией Автономии. Формально ничья. Фактически — Автономия использует

её как передовую базу для рейдов. Мы идём туда не одни. — Он тронул панель ещё раз, и на карте, у Ахерона, вспыхнули четыре метки. — В Ахероне мы соединяемся с Третьим Ударным Соединением. Состав соединения: три линкора — «Ганнибал», «Веллингтон», «Аянами». И флагман.

Он сделал паузу.

— Дредноут «Громовержец».

Тишина стала другой — плотной, любопытной. Даже Холт, стоявшая у стены со скрещёнными на груди руками, чуть повела головой.

— Многие из вас, скорее всего, про него слышали, — сказал Танака. — Немногие видели. Скоро увидите. — Он выключил метку флагмана и повернулся к залу. — Я скажу то, что должен сказать, и то, что вы должны понять. До сих пор мы оборонялись. У Горгоны, у Эридана — мы держали узлы. Ахерон — это не оборона.

Он посмотрел на Громова. Громов кивнул — тяжело, медленно.

— Ахерон — это за линией, — сказал Громов, поднимаясь. Его голос заполнил комнату без всякого усилия. — Я объясню для тех, кто ещё не понял, что это значит. Там, — он ткнул пальцем в карту, в серое пятно за красным пунктиром, — мы решаем, когда драться. Там мы приходим и берём. Узел за узлом. Станцию за станцией. Это называется наступление. Красивое слово. — Он оглядел зал, и в маленьких карих глазах не было ни капли обычного веселья. — Означает оно вот что: там не обороняются. Там наступают. А кто наступает — тот идёт первым. А кто идёт первым — тот и получает первым.

Он сел так же тяжело, как встал. Кресло скрипнуло под ним.

Танака не стал смягчать сказанное. Он просто выключил экран.

— Прыжок через пять часов, — сказал он. — Отдыхайте, пока можно. В Ахероне отдыхать будет некогда.

Люди начали подниматься. Вей сидел, глядя на погасший экран, где секунду назад была прочерчена красная линия — из знакомого в незнакомое, из обороны в наступление, за черту, которую они до сих пор не переступали. Рядом Линд аккуратно убрал планшет в нагрудный карман и посмотрел на него.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Абстрактное стало конкретным.

Лина, проходя мимо, задержалась. Она смотрела на карту, хотя карты уже не было, — на пустой чёрный экран.

— За линией, — повторила она то, что сказал Громов. Акцент проглотил окончание. — Знаешь, Призрак, я два года на «Немезиде». Мы всегда были стеной. К стене приходят — стена держит. — Она перевела на него светлые, до прозрачности голубые глаза. — А теперь мы — молот. Молот не держит. Молот бьёт. И ломается быстрее, чем стена.

Она не стала ждать ответа. Пошла к выходу — экономными, бесшумными движениями, как всегда. Вей смотрел ей вслед и думал, что она права, и что ему нечего на это возразить, и что впервые за долгое время он не может посчитать до трёх, чтобы стало легче.

Глава 2: «Громовержец»

Прыжок «Немезида» совершила в 14:00 по корабельному времени.

Вей стоял в обзорной галерее — длинном изогнутом коридоре с бронестеклом во всю стену, — и смотрел, как мир схлопывается. Он уже видел прыжок пару раз и так и не привык. За секунду до перехода звёзды за стеклом были острыми, колкими точками, каждая на своём месте, знакомые созвездия, которые он невольно складывал в фигуры — привычка от матери. Потом мир побелел. Нет — посерел. Прыжок не был вспышкой; он был отсутствием. Серое ничто, в котором не было ни верха, ни низа, ни времени, — и в этом ничто человеческий мозг терял опору и начинал придумывать. Кто-то видел лица. Кто-то — цвета, которых не бывает. Вей всегда видел одно и то же: чёрную воду, о которой рассказывала мать, и звёзды, отражённые в ней вниз головой.

Потом серое лопнуло, и вернулись звёзды — другие, чужие, сложенные в незнакомые узоры.

Ахерон-9.

Галерея была забита. Вей не помнил, чтобы её когда-нибудь так набивали, — но сейчас здесь были все, кто мог урвать минуту: матросы в замасленных робах, техники, свободные от вахты пилоты обеих эскадрилий, даже пара офицеров с мостика, спустившихся посмотреть своими глазами, а не через сенсоры. Все хотели увидеть. Слухи о «Громовержце» ходили по флоту годами, обраставшие домыслами, как корпус — микрометеоритной пылью.

Сначала не было ничего, кроме звёзд и багрового пятна далёкого карлика — солнца Ахерона, тусклого, злого, размером с монету на вытянутой руке. Потом сенсорная сеть «Немезиды» начала выдавать метки, и на голопроекторе в центре галереи проступил ордер соединения: три линкора, россыпь эскортных корветов, разведдроны — и в центре одна метка, вокруг которой всё вращалось, как планеты вокруг звезды.

— Где он? — спросил кто-то. — Ничего же не видно.

— Терпение, — прогудел знакомый голос. Громов протолкался к стеклу, и толпа расступилась перед ним сама собой. — Он не далеко. Сейчас развернёмся бортом — увидите.

«Немезида» медленно доворачивала. Звёзды за стеклом поползли вбок. И тогда из-за края обзора выплыл он.

Сначала Вей принял его за астероид. Тёмная громада, заслонившая звёзды, — не блик, не отражение, а именно провал, чернота на фоне черноты, узнаваемая только по тому, что за ней исчезали светила. Потом «Немезида» повернула ещё, и на громаду упал багровый свет карлика, и Вей увидел.

Восемь километров.

Он знал цифру заранее. Цифра ничего не значила, пока он не увидел. «Немезида» была два с половиной километра — линкор класса «Левиафан», самый большой корабль, на котором Вей когда-либо был, корабль-город, в котором можно было заблудиться. «Громовержец» был больше в три с лишним раза, и это «в три раза» ощущалось не как «больше», а как «другое». Как разница между домом и горой.

Корпус уходил в обе стороны за пределы обзора. Девять палуб — он насчитал их по ярусам огней, тянувшимся вдоль борта, как улицы ночного города. Орудийные башни размером с тяжёлый корвет топорщились вдоль хребта, и даже отсюда, издалека, было видно, что стволы главного калибра длиннее, чем половина эскадрильи Грифонов. Восемь ангарных зевов — тёмных провалов с багровой подсветкой изнутри, из которых сновали челноки и дроны, крохотные, как мошкара над тушей исполина.

И свет вокруг него был неправильным.

Вей заметил это не сразу. Звёзды у самой кромки корпуса — те, что должны были стоять на своих местах, — чуть смещались, размазывались, будто он смотрел на них сквозь текущую воду.

— Гравитация, — сказал рядом тихий голос.

Танака. Он подошёл незаметно — он всегда подходил незаметно — и встал у стекла, глядя на дредноут тяжёлыми, полуприкрытыми глазами.

— Его масса такая, что искажает свет вокруг корпуса, — сказал Танака. — Собственная гравитационная сигнатура. Издалека это выглядит как марево. Вблизи — как будто пространство прогибается под ним. — Он помолчал. — Оно и прогибается.

Молодой матрос, стоявший рядом — тот самый, с красной шеей, из построения, — не выдержал:

— Коммандер, а сколько его строили? Где такое вообще можно построить?

Танака перевёл на него спокойный взгляд. Он не любил лишних слов, но на прямой вопрос всегда отвечал прямо.

— Верфь «Кузница Гефеста». Орбита Каллисто-Прайм, в глубоком тылу, там, куда Автономия никогда не дотягивалась. — Он снова посмотрел на дредноут. — Четырнадцать лет постройки. Заложен ещё до войны — тогда никакой войны не было, были только переговоры и предчувствие. Кто-то в Адмиралтействе умел просчитывать будущее. Он знал, что переговоры кончатся вот этим. — Танака кивнул на багровый карлик, на серую зону, на всё вокруг. — И начал строить корабль, который будет нужен в будущем.

— Четырнадцать лет, — повторил матрос. — «Немезиду» же за шесть построили.

— «Немезиду» за шесть, — согласился Танака. — Потому что «Немезида» — «Леви-афан», ограниченный, но серийный класс. Их строили десятками. А этот — один. Второго такого нет. Пока нет.

Громов, стоявший чуть поодаль, повернулся, и его борода дёрнулась в невесёлой ухмылке.

— Я вам ещё интереснее скажу, — прогудел он, и вокруг притихли, потому что Громова слушать любили. — Огневая мощь. «Немезида» может выдать полный залп — и это, поверьте, зрелище, я видел, как от него у крейсера отваливается нос. Так вот, один бортовой залп «Громовержца» — это восемь таких «Немезид». Восемь. Одновременно. — Он поднял восемь толстых пальцев, будто кто-то мог не понять цифру на слух. — А ещё у него осадные орудия. Знаете, что такое осадное орудие? Это когда ты стоишь в одной системе, а стреляешь в цель, которая формально ещё за горизонтом. И попадаешь. И станции, которые мы будем брать, — он кивнул куда-то в сторону, в серую зону, — некоторые из них он может расковырять, даже не подходя на дистанцию их пушек.

— А авиакрыло? — спросил Хасан из толпы. Тактик в нём не мог молчать.

— Восемь эскадрилий, — сказал Танака прежде, чем Громов успел ответить. — На «Немезиде» — две. На нём — восемь. Плюс он несёт корветы. Не эскортные — свои, внутренние, в ангарах. Может выпустить их, как истребители. — Он помолчал. — Это не корабль поддержки. Это самостоятельная боевая единица. Он может прийти в систему один и взять её один.

Матрос с красной шеей смотрел на дредноут, приоткрыв рот. Потом сказал — не Танаке, не Громову, а куда-то в стекло, вслух то, что, наверное, думали все в галерее:

— Кто вообще может против нас драться, когда у нас есть такое?

Никто не ответил.

Вей смотрел на восьмикилометровую громаду, искажавшую свет звёзд, и ловил себя на том, что мысль матроса не приносит ему уверенности, которую должна была принести. Он думал о другом. Он думал о том, что четырнадцать лет назад кто-то в тылу, в тепле и безопасности, посмотрел на карту и решил, что война будет, и заложил под неё корабль, который будет

готов ровно к сроку. И вот — срок настал, и корабль готов, и это значило, что всё, что происходило последние недели, — Горгона, Эридан, разрыв переговоров, красный уровень, — всё это было не случайностью, не цепью несчастных совпадений, а расписанием. Кто-то составил расписание четырнадцать лет назад, и они все — Громов, Лина, Линд, Танака, он сам, матрос с красной шеей, Юнь Бай с её шёпотом машинам — все они были строчками в этом расписании. И «Громовержец» пришёл вовремя, как приходит вовремя поезд.

Он не знал, откуда взялся образ поезда. Он никогда не видел поезда. Наверное, из книг матери.

— О чём думаешь? — спросил Линд, оказавшийся рядом.

— О том, что его заложили за четырнадцать лет, — сказал Вей. — Значит, кто-то знал.

Линд посмотрел на дредноут, потом на Вея. В усталых глазах мелькнуло что-то — понимание, может быть, или та же мысль, только пришедшая раньше.

— Знал, — согласился он. — Или боялся достаточно сильно, чтобы подготовиться. Иногда это одно и то же. — Он помолчал. — Меня другое беспокоит.

— Что?

— Если наши строили четырнадцать лет, — сказал Линд тихо, так, чтобы слышал только Вей, — то и они, наверное, что-то строили. Мы видим наш козырь, но не видим их. — Он кивнул в сторону серой зоны, в сторону невидимой отсюда территории Автономии. — И это, знаешь ли, беспокоит меня куда больше, чем всё, что беспокоило до сих пор.

Багровый свет карлика полз по восьмикилометровому корпусу «Громовержца», и звёзды у его кромки размазывались, будто мир прогибался под тяжестью того, что человек построил, чтобы уничтожать.

Вей смотрел и молчал. Считать не было смысла. Некоторые вещи не проходят от счёта до трёх.

Глава 3: Сообщение

Приказ пришёл на «Немезиду» через одиннадцать часов после прыжка, когда соединение уже перестроилось в единый ордер и медленно двигалось к внутренним планетам Ахерона-9, разворачивая перед собой веер разведдронов.

Вей узнал об этом не сразу и не от Танаки. Он узнал по тому, как изменился корабль.

Он был в тренажёрном отсеке — гонял с Линой связку в симуляторе, отрабатывая то, что обещал: научить её чувствовать вероятностное поле, читать не отдельные машины, а плотность угрозы, зоны смерти и коридоры. Получалось у неё пока плохо, и это её злило, а злость мешала ещё больше, и они уже второй час бились об одну и ту же стену, когда динамик над дверью тренажёрного ожил:

— Командеру Танаке, старшему лейтенанту Громову, лейтенантам Сорокиной, Линду и Вею прибыть в каюту командера Танаки. Немедленно.

Лина сняла нейрошлем. Мокрые от пота белые волосы прилипли ко лбу. Она посмотрела на Вея.

— Всех пятерых, — сказала она. Акцент проглотил середину слова. — По именам. Это не про учения.

— Нет, — сказал Вей. — Не про учения.

Они пришли последними. Кюота Танаки была маленькой, аскетичной — койка, стол, стул, шкаф, и больше почти ничего. На переборке — единственное личное: небольшая гра-вюра, чёрно-белая, с изображением горы под волной. Вей смотрел на неё раньше и не понимал, а потом Линд объяснил, что это старое земное искусство, что волна там — не просто волна, а судьба, накрывающая всех одинаково — и рыбаков в лодках, и гору вдали. Танака никогда не говорил, почему повесил её.

В каюте было тесно впятером плюс Хольц. Капитан стоял у стола, прямой, каменный, с планшетом в руке. Танака сидел на стуле, положив руки на колени. Громов привалился к шкафу — иначе он бы занял полкаюты. Линд стоял у переборки, ровно, будто на смотру. Лина прислонилась к косяку. Вею места почти не осталось; он встал у двери.

— Приказ с «Громовержца», — сказал Хольц без предисловий. Он не любил их так же, как Танака. — Личным кодом командующего Третьим Ударным Соединением. Я зачитаю.

Он поднял планшет.

— «Командеру Танаке, „Немезида“, эскадрилья „Грифоны“. Приказом командования Третьего Ударного Соединения нижепоименованный личный состав переводится с борта линкора „Немезида“ на борт флагманского дредноута „Громовержец“ для несения службы в составе формируемого подразделения специального назначения. Список: командер Танака. Старший лейтенант Громов. Лейтенант Сорокина. Лейтенант Линд. Лейтенант Вей. Явиться к 06:00 следующего цикла. Личные вещи — по нормативу. Машины — оставить».

Хольц опустил планшет.

Тишина в каюте была плотной. Вей слышал, как за переборкой работает вентиляция, как тикают на запястье Танаки механические часы — тихо, ровно, безразлично к тому, что происходило.

Громов первым нарушил тишину. Он шумно выдохнул через нос — так, что борода шевельнулась, — и потёр её ладонью, широким медленным жестом, которым он всегда встречал плохие или странные новости.

— Ну, — прогудел он вполголоса. — Пятерых. Не эскадрилью. Пятерых конкретных.

— Хотят ядро эскадрильи, — сказал Танака. Он произнёс это ровно, без вопроса, глядя в стену перед собой. — Не всю. Ядро.

— Почему нас? — спросила Лина. Она отлепилась от косяка, и в голосе её была не столько обида, сколько подозрение — жёсткое, колющее. — Почему пять? Я понимаю, Танака — командир. Гром — ветеран. Линд — голова. Призрак — его штучки. А я? Я — что?

— Ты — рекордсмен соединения по подтверждённым сбитым за последние полгода, — сказал Хольц, не глядя в планшет; он знал это наизусть. — Пятьдесят одна отметка. Больше, чем у любого пилота во всём Седьмом Флоте твоего звания. Это не «что». Это причина.

Лина сжала челюсти. Желвак проступил на скуле. Она не ожидала такого ответа и не знала, что с ним делать. Похвала от Хольца была редкой, как снег в ангаре, и оттого неудобной.

— Досье собирали не мы, — продолжал Хольц. Он положил планшет на стол Танаки. — Собирали штаб соединения. И собирал внимательно. — Он посмотрел на них — по очереди, каждому в лицо, будто сверяя людей с тем, что было написано в бумагах. — Танака — тактик, который у Горгоны и Эридана дважды принимал нестандартные решения и дважды сохранял людей. Громов — восемь лет боёв, четыре кампании, живой носитель опыта, которого не купишь и не выучишь. Сорокина — стрелок. Линд — аналитик, который расшифровал «рой с прерыванием» раньше, чем это сделали в штабе флота. И Артём Вей.

Он остановился на Вее.

— Вей, — повторил Хольц, — единственный известный флоту пилот с двумя реализованными формами пространственного дара сразу. Врождённое чутьё — они называют его «призрачным зрением» — и приобретённая, осознанно построенная методика, «вероятностное поле». Одно даёт видеть скрытое. Второе — управлять хаосом. Обычно у одарённых что-то одно. У тебя — оба. Это, — Хольц сделал паузу, — их слова, не мои. «Редчайший профиль. Приоритетное использование».

Вей стоял у двери и чувствовал, как эти слова ложатся на него, будто чужой китель — не по размеру, тесный в плечах. «Приоритетное использование». Он был не человеком в этой фразе, а инструментом с редкими характеристиками. Он поймал себя на том, что начал считать. Один. Два. Три. Механически, без нужды — просто чтобы занять что-то внутри, пока снаружи его раскладывали на строчки досье.

Танака заметил.

Вей понял это позже, но заметил Танака именно тогда — по глазам командера, скользнувшим к нему на долю секунды и вернувшимся к стене. Танака всегда всё замечал.

— Личная пометка, — сказал Хольц, и что-то в его голосе изменилось. — В конце приказа. Не стандартная формулировка. — Он снова взял планшет, нашёл строку, но читать не стал сразу, а сначала посмотрел на Танаку. — Подписано командующим соединением. Адмиралом. Имени в открытой части приказа нет — только код и должность. Но пометка — от руки. То есть надиктована лично.

— Читайте, — сказал Танака.

Хольц прочёл:

— «Мне нужны те, кто умеет побеждать, не тратя людей. Таких мало. Берегите себя до Ахерона. После — посмотрим, стоите ли вы бумаги, в которую вас завернули».

Он опустил планшет.

Громов хмыкнул — коротко, без веселья.

— Прямой человек, — сказал он. — Мне уже нравится. Или уже не нравится. Пока не понял.

— «Стоите ли вы бумаги», — повторила Лина, и в уголке её рта дёрнулось что-то похожее на злую усмешку. — Он нас ещё не видел, а уже сомневается.

— Он никого не видел, — сказал Линд. Он до сих пор молчал, стоя у переборки, и заговорил своим обычным ровным, взвешенным тоном, от которого в тесной каюте будто становилось чуть больше воздуха. — Он видел досье. Досье — это бумага. Он честно говорит, что не верит бумаге, пока не увидит дело. — Линд чуть повёл плечом. — Я бы на его месте думал

так же. Плохо, когда командир верит бумагам. Хорошо, когда он верит тому, что видит своими глазами.

Вей посмотрел на Линда с молчаливой благодарностью. Линд всегда умел разложить неприятное на составные части так, что оно переставало быть таким уж неприятным.

Хольц выпрямился.

— У вас нет права отказаться, и вы это знаете, — сказал он. — Но я и не приказываю вам радоваться. Приказываю — явиться к 06:00. — Он обвёл их взглядом в последний раз, и на секунду каменное лицо чуть смягчилось — не улыбкой, а чем-то более сдержанным. — Я скажу это один раз и больше повторять не буду. Вы — лучшее, что было на моём корабле за долгое время. Мне жаль отдавать вас. Пусть ваша война гремит на флагмане, а не оборачивается безмолвной братской могилой посреди камней. — Он взял планшет со стола. — Командер Танака, доведите до личного состава детали. Отвальную организуем в кают-компании ангара «Браво». Это не по уставу. Считайте, что под мою ответственность.

Он вышел. Дверь зашипела, закрываясь.

Впятером они остались в тесной каюте. Секунду никто не говорил.

Танака встал со стула. Он был ниже всех, кроме Юнь Бай, которой здесь не было, — ниже даже Лины, — но, когда он вставал, места вокруг него становилось будто больше, как вокруг «Громовержца» прогибался свет.

— Я скажу вам то, что не сказал капитан, — проговорил он тихо, ровно, вбивая слова, как гвозди. — Приказ вы уже приняли. Все пятеро. — Он посмотрел на Вея. — Ты начал считать до трёх — значит, испугался и остался. — Перевёл взгляд на Громова. — Ты потёр бороду — значит, поворчишь немного, но пойдёшь. — На Лину. — Ты сжала челюсть — значит, злишься, но не откажешься, потому что тебе интересно, стоишь ли ты той бумаги. — На Линда. — А ты уже разложил приказ на логику, чтобы он перестал тебя пугать. Я видел. Все вы приняли его за первые десять секунд. Остальное — разговоры.

Он взял со стола планшет, оставленный Хольцем, и постучал по нему ногтем.

— Поэтому я не буду спрашивать, согласны ли вы. Я скажу, что нам всем надо сделать до 06:00. — Пауза. — Проститься. Как следует. Потому что «Немезида» была нашим домом, а на новом месте дома не будет. Пока не построим сами.

Он положил планшет.

— Свободны до отальной.

Они выходили по одному — из узкого прохода не получалось выйти иначе. Вей вышел последним и в коридоре догнал Линда.

— Ты правда думаешь так же? — спросил он. — Адмирал. Что нельзя верить бумаге.

Линд шёл, глядя перед собой, и седина у виска блестела в свете коридорных ламп.

— Я думаю, — сказал он, — что человек, который так пишет, либо очень хороший командир, либо очень опасный. — Он помолчал. — А чаще всего — и то, и другое сразу. Мы, кажется, скоро узнаем, что именно.

Позади них, в каюте, тикали часы с четырьмя именами, и Танака сидел один, глядя на гравюру с горой под волной, и никто не знал, о чём он думает.

Глава 4: Обсуждение в кубрике

До отвалной оставалось восемь часов, и «Грифоны» набились в свой кубрик — те, кто уходил, и те, кто оставался, — потому что расставаться сразу было тяжело, а сидеть порознь ещё тяжелее.

На откидном столе стоял чайник — большой, помятый, общий, — и кружки, и открытая банка сухих галет, которые никто не ел, а только ломали пальцами и крошили, занимая руки. Информационный экран над столом переключили на технический канал соединения: там, без звука, медленно вращались модели кораблей Третьего Ударного, и кто-то — кажется, Хасан — вывел их характеристики бегущей строкой сбоку.

— Так, — сказал Ортега, ткнув пальцем в экран. — Давайте разберёмся, куда вас отправляют, пока вы там не потерялись. «Ганнибал». Что за зверь?

Хасан, не отрываясь от планшета, ответил как по учебнику:

— «Ганнибал» — «Левиафан». Как наша «Немезида». Только с усиленным вооружением: у него две дополнительные башни главного калибра вместо ангарных секций. Меньше авиакрыла, больше пушек. Ударный вариант серии. — Он пролистнул. — В соединении он, судя по всему, идёт как таран. Первым принимает огонь, держит на щитах, продавливает.

— То есть в него будут стрелять первым, — уточнил Ортега.

— В него будут стрелять первым, — подтвердил Хасан.

— Радует.

— «Веллингтон», — продолжал Хасан, — старый. «Центурион». Класс, который начали снимать с вооружения ещё до Кеплера. Его модернизировали — новые щиты, новая электроника, — но корпус старый, брони меньше по нынешним меркам. — Он поднял глаза. — Громов, ты же на «Центурионе» служил когда-то?

— Служил, — прогудел Громов. Он сидел на нижней койке, и она проседала под ним. — На «Скипетре». Хороший был корабль. Старый, скрипучий, но честный. — Он покачал головой. — Только вот что я скажу. «Центурион» — это корабль прошлой войны. А мы идём на эту. У него башни бьют медленнее, чем у новых, перезарядка длиннее. В обороне он ещё ничего. В наступлении, где всё быстро... — Он не договорил. — В общем, «Веллингтону» будет тяжело. Помяните моё слово. Старику всегда тяжело, когда молодые бегут.

— «Аянами», — сказал Хасан. — А вот это интересно. Класс «Катана». Новый. Лёгкий. Быстрый. Меньше «Левиафана», брони меньше, зато скорость и манёвр — как у крейсера, а не у линкора. Специализация — прорыв. Он не стоит в строю. Он проходит сквозь строй. Врезается в глубину обороны, туда, куда линкоры не успевают, и держит коридор, пока подходят тяжёлые.

— То есть тоже первым лезет, — сказал Ортега.

— Первым, но по-другому, — сказал Хасан. — «Ганнибал» лезет грудью. «Аянами» — проскальзывает. Разные способы умереть рано.

— Весёлое у вас соединение, — заметил кто-то из «Мантикор», забредший в кубрик. — Один лезет грудью, другой проскальзывает, старик отстаёт. А флагман?

Все посмотрели на экран, где в центре медленно вращалась тёмная громада «Громова». — Флагман, — сказал Хасан, и даже в его сухом голосе появилось что-то вроде уважения,

— это отдельный разговор. Восемь эскадрилий. Восемь, понимаете? Из них, по слухам, три — с одарёнными пилотами. Проект какой-то. Осадные орудия. Может нести корветы внутри и выпускать их в бой. Главный калибр — восемь бортовых залпов «Немезиды» в одном. — Он отложил планшет. — Знаете, что это на самом деле означает? Это означает, что соединение

построено вокруг одной идеи. Молниеносный захват. Пришли — взяли узел — ушли к следующему. Не оборона. Не позиционная война. Блицкриг.

— Красивое слово, — сказал Громов. — Я его уже слышал сегодня. От Танаки. Только он говорил другое красивое слово. «Наступление». — Он взял кружку, покрутил в огромных пальцах. — Знаете, что общего у всех красивых слов про войну? Их придумывают те, кто в бой не летит.

В кубрике повисло молчание. Чайник тихо посвистывал.

Вей сидел в углу, привалившись спиной к рундуку, и слушал. Он смотрел на Линда, который устроился напротив и слушал так же молча, чуть склонив голову набок, — так он слушал, когда обрабатывал информацию, а не просто воспринимал её.

— Что думаешь о переводе? — спросил Вей тихо, чтобы слышал только Линд.

Линд ответил не сразу. Он смотрел на вращающуюся модель «Громовержца», и в стёклах его глаз отражались её огни.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что это очень смешно. — Он не улыбался. — Я три года летал на транспортниках. Три года. Вozил снаряды, запчасти, продовольствие, иногда трупы в контейнерах с холодильной установкой. И всё это время я подавал рапорты о переводе в боевую эскадрилью. Каждые полгода. Их отклоняли. «Нехватка транспортных пилотов». «Ценный специалист». Я выучил все формулировки наизусть. — Он повернулся к Вею. — А потом место, которого я ждал три года, отдали тебе. И я думал, что это — конец. Что я так и состарюсь на транспортниках.

— Линд...

— Дай договору. — Он поднял ладонь, мягко. — А потом меня всё-таки перевели — сюда, к вам. И я решил, что это судьба наконец повернулась. Что я на месте. А теперь, — он кивнул на экран, — теперь меня переводят на дредноут. В спецподразделение. С личной пометкой адмирала. — Он усмехнулся, впервые за разговор, коротко и невесело. — Кадровое управление либо надо мной издевается, либо я им наконец по-настоящему пригодился. И я, честно, не знаю, что из этого страшнее.

Вей смотрел на него. За месяц он привык к Линду — к его спокойствию, к его манере всё раскладывать по полкам, к тому, как он гасил чужую панику одним взвешенным словом. Но сейчас в Линде было что-то незнакомое — не страх, а усталость особого рода, усталость человека, которого судьба слишком долго возит по кругу.

— А если мы не подойдём? — спросил Вей. — Адмирал же прямо написал. «Посмотрим, стоите ли вы бумаги». Если посмотрят и решат, что не стоим?

— Тогда нас вернут, — пожал плечами Линд. — Или переведут ещё куда-нибудь. Или... — Он не договорил.

— Мы уже подошли.

Голос был тихим и раздался от двери. Танака стоял на пороге — никто не заметил, когда он вошёл; он умел появляться так, будто был здесь всегда. В кубрике сразу стало тише, разговоры «Грифонов» у стола сами собой смолкли.

— Вы спрашиваете, что будет, если мы не подойдём, — сказал Танака, входя. — Неправильный вопрос. Правильный: подходим ли мы уже. И ответ — да. — Он остановился посреди кубрика. — Нас взяли не потому, что мы можем стать хорошими. Нас взяли потому, что мы уже что-то показали. Горгона. Эридан. «Рой с прерыванием». «Окно» в хаосе. Всё это уже случилось. Всё это — в досье. Мы не кандидаты. Мы — данность, которую адмирал хочет проверить своими глазами, потому что не верит чужим.

Он посмотрел на Линда — прямо, тяжело.

— Ты боишься, что судьба над тобой издевается, — сказал он. Линд не удивился, что Танака услышал; Танака слышал всё. — Не издевается. Судьба не издевается и не награждает. Она просто ставит тебя туда, где ты нужен, и смотрит, что ты сделаешь. Ты три года ждал

боевую эскадрилью. Ты её получил. Теперь тебе дают что-то большее, чем ты просил. Это не издёвка. Это счёт, который тебе выставляют вперёд. Заплатишь — окажется, что заслужил. Не заплатишь — окажется, что ошиблись. — Он повернулся к двери. — Все ошибаются. Даже адмиралы. Наша задача — сделать так, чтобы этот не ошибся.

Он уже собрался уходить, но у порога задержался и, не оборачиваясь, добавил — не приказом, а чем-то другим, редким для него, почти тёплым:

— Через семь часов отвальная. Придите все. И те, кто уходит, и те, кто остаётся. Прощаться надо в глаза. Иначе потом будете жалеть, что не успели. — Пауза. — Я знаю, о чём говорю.

Он вышел.

В кубрике долго молчали. Потом Ортега, чтобы разбить тишину, налил себе чаю и сказал в пространство:

— Ну хоть кормить вас там будут лучше. Столовая на тысячу мест, я слышал. У нас-то тут очередь в автомат — как штурм крепости.

— Кормить, — фыркнула Лина, — везде одинаково. Прессованная дрянь с витаминами. — Но в голосе её уже не было злости; она держалась за банальность, как все держались, потому что банальность была спасением от того большого и тяжёлого, что стояло за дверью и называлось наступлением.

Вей посмотрел на Линда. Тот снова разглядывал вращающуюся модель дредноута, и лицо его снова стало спокойным, удовлетворённым, разложившим всё по полкам.

— Заплатим по счетам, — сказал Вей тихо.

Линд кивнул, не отрывая взгляда от экрана.

— Заплатим, — сказал он. — Куда деваться. Мы всегда платим. Вопрос только — сколько на сдачу останется.

Глава 5: Отвальная

Кают-компанию ангара «Браво» готовили к отвальной так, как готовят к чему-то, чего не должно быть по уставу, но что все считают правильным.

Сдвинули столы. Достали из неприкосновенного запаса то, что копили по крохам, — настоящий спирт из медотсека, разбавленный водой до состояния, которое Громов называл «слезой линкора», банку маринованных грибов, невесть как пережившую два боя, плитки прессованного шоколада с эмблемой флотского пайка. Кто-то принёс музыкальный планшет, и из динамика лилась негромкая, старая, с помехами запись — что-то струнное, медленное, чего Вей не знал.

Собрались все. «Грифоны» — и уходящие пятеро, и остающиеся: Хасан, Ортега, Чэнь, Мерсье, Ковач, Солано, даже Ивасаки отпустили с медотсека. «Манतिकоры» — во главе с Холт, высокой, прямой, с оценивающим взглядом, который сегодня был чуть мягче обычного. Пришли техники из ангара. Пришла Юнь Бай — встала у стены, в стороне, скрестив на груди перепачканные руки, и молча смотрела.

Пилоты рассказывали истории. Ортега вспоминал, как Громов однажды на спор посадил истребитель без правого стабилизатора и как потом три дня Юнь Бай не разговаривала с ним, а только смотрела так, что «краска с брони облезала». Громов не оспаривал — только хохотал так, что дрожали кружки на столе. Ковач, тихий, бледный, но уже не тот дёрганный энсин, каким был раньше, рассказал, как Вей провёл их через «окно» в хаосе, и как он, Ковач, тогда впервые за долгое время не боялся. Лина сидела рядом с Линдом, и они вспоминали что-то своё, старое, из времён, когда Линд ещё летал на транспортниках, а Лина только пришла на «Немезиду», — и Вей впервые видел её такой, смеющейся тихо, без злости, без колючек.

Он сидел с краю и смотрел на всё это, и в груди у него было тесно — не от страха, а от чего-то, чему он не находил названия. Это были люди, которые когда-то были ему чужими. Лина ненавидела его за занятое место. Громов называл «свежим мясом». Он не знал ни Ковача, ни Хасана. А теперь он смотрел на них и понимал, что уходит от них — не насовсем, но уходит, — и что это больше, чем он ожидал.

В разгар вечера дверь кают-компания отъехала, и вошёл капитан Хольц.

Разговоры смолкли. Кто-то начал подниматься — по уставу, при появлении капитана положено встать, — но Хольц поднял руку:

— Сидите.

Он прошёл к центру, и все смотрели на него, потому что капитан Хольц никогда, ни разу за четыре года, не приходил на пилотские посиделки. Он был человеком мостика. Он был каменным. А сейчас он стоял среди сдвинутых столов, среди кружек с разбавленным спиртом, и — Вей не поверил своим глазам — снял фуражку.

Он снял фуражку и держал её в руке, у бедра, и седые волосы, всегда безупречно зачёсанные назад, чуть блеснули под лампами.

— Я скажу коротко, — начал Хольц, и его голос без усиления динамиками звучал непривычно — обычный, человеческий, чуть хриплый. — Устав запрещает то, что мы сегодня делаем. Устав говорит: перевод — это перевод, приказ — это приказ, лишних церемоний не надо, они размягчают дисциплину. — Он оглядел кают-компанию. — Я служу по уставу двадцать шесть лет. Сегодня — исключение. Под мою личную ответственность.

Он помолчал, подбирая слова, и Вей увидел, что даже этому человеку они даются с трудом.

— За время службы на «Немезиде», — сказал Хольц, — эти пятеро не нарушили ни одного приказа, который не спасал бы жизни. Я знаю, о чём говорю. Я читал каждый рапорт. Был случай, — он бросил короткий взгляд на Вея, — когда лейтенант нарушил прямой при-

каз, ушёл с фланга и спас ведомую. По уставу — трибунал. По совести — награда. Я тогда согласился с командером Танакой не наказывать. И до сих пор считаю, что мы были правы. — Он снова оглядел собравшихся. — Такие люди — редкость. Их надо провожать. Традиция «Немезиды» — провожать своих не трауром, а уважением. Мёртвых мы поминаем. Живых — благодарим. Сегодня мы благодарим живых, которые уходят, чтобы драться дальше.

Он взял со стола ближайшую кружку. Кто-то торопливо плеснул в неё «слезы линкора».

Хольц поднял кружку.

— За «Грифонов», — сказал он. — За тех, кто остаётся держать эту стену. И за тех, кто уходит на флагман. — Он сделал паузу, и на каменном лице что-то дрогнуло. — И за тех, кто долетит.

Тост Громова. Он услышал его от Громова, подумал Вей. Хольц взял тост Громова — «за тех, кто долетит» — и произнёс его как капитан, и от этого тост стал больше, чем был.

— За тех, кто долетит! — гулко откликнулся Громов, поднимаясь во весь свой огромный рост, и кружки взлетели вверх по всей кают-компании.

— За тех, кто долетит, — повторил Вей вместе со всеми, и голос его потонул в общем.

Хольц выпил, поставил кружку, надел фуражку — и снова стал каменным, снова стал капитаном. Он коротко кивнул Танаке, коротко — всем, и вышел так же прямо, как вошёл. Но что-то он оставил после себя в кают-компании — что-то, отчего у людей распрямились плечи.

Вечер покатился дальше — теплее, свободнее. Играла старая музыка с помехами. Громов начал травить байку про Вольф-1061, и вокруг него собрался круг. Лина учила Солано какому-то счёту на пальцах — проксиманская игра, в которой проигравший пил. Линд негромко разговаривал с Холт — два аналитика нашли друг друга.

Вей вышел из круга, чтобы отдышаться. Тесно было не телу — тесно было внутри. Он отошёл к стене, к тени между стеллажами с запчастями, и там его нашла Юнь Бай.

Она подошла бесшумно — так же, как Лина, только по-старушечьи, приволакивая ногу, которую, как он знал, ей повредило когда-то давно сорвавшимся домкратом. В руках она держала термос. Старый, облупленный, с вмятиной на боку — тот самый, из которого она поила его чаем после боёв, когда руки не слушались.

— На, — сказала она и сунула термос ему в руки. — Держи.

— Юнь Бай, это же ваш...

— Был мой. Теперь твой. — Она отмахнулась перепачканной ладонью, не давая возразить. — У меня их два. Этот старый, течёт по резьбе, если сильно наклонить. Но чай держит горячим полсуток. — Она посмотрела на термос в его руках, потом на него. — Там чай. На новом месте пригодится. Не знаю, какие там техники. Может, хорошие. Может, дрянь. Но чаю тебе никто не нальёт после боя, если сам не позаботишься.

Вей держал термос обеими руками — тёплый, осязаемый, реальный. Руки, конечно, дрожали, и термос чуть подрагивал вместе с ними, и Юнь Бай это видела, но ничего не сказала. Она никогда не говорила про дрожь как про плохое.

— Спасибо, — сказал он, и слово вышло тесным, недостаточным.

Юнь Бай не смотрела на него. Она смотрела куда-то сквозь, в сторону ангарных доков, где стоял его Грифон-12 — теперь уже не его, машина, которую он оставлял.

— Машину свою береги, — сказала она. И, помолчав: — Не эту. Эту я сама доберегу, отдам новому пилоту, кто бы он ни был, и он тоже будет думать, что она его. — В голосе не было горечи, только правда. — Ту машину береги, которая тебя ждёт там. Не знаю, какая она. Ты не знаешь. Никто из вас не знает — я спрашивала у техников, что перегоняли ваши личные вещи, они тоже не в курсе. Спецподразделение. Всё под плёнкой. — Она наконец повернулась к нему, и тёмные глаза её были серьёзны. — Но она уже есть. Уже стоит где-то в ангаре и ждёт тебя. И она будет тебя помнить.

— Как она может меня помнить, если я её ещё не видел? — тихо спросил Вей.

Юнь Бай посмотрела на него так, как смотрела на людей, которые не понимали очевидного.

— Машины помнят не так, как люди, — сказала она. — Люди помнят прошлое. Машины помнят руки. Как только твои руки лягут на управление — она тебя вспомнит. Даже если видит первый раз. Потому что руки у каждого свои. Ты кладёшь ладони — и она узнаёт: этот. Понял?

Вей не был уверен, что понял. Но он кивнул.

— Не подведи её, — сказала Юнь Бай — те же слова, что говорила про Грифон-12, когда рассказывала про трёх пилотов до него. — Слушай её. Слушай пространство. И слушай своих. — Она кивнула в сторону кают-компаний, где гудел голос Громова и смеялась Лина. — Вот этих. Пока они рядом — ты живой идиот. Один — просто идиот. Разница большая.

Она похлопала его по руке — коротко, сухо, — повернулась и пошла прочь, приволакивая ногу, обратно к своим машинам, к своему ангару, который через несколько часов станет чужим ангаром для Артёма.

Вей стоял в тени между стеллажами, держал старый термос с чаем и смотрел ей вслед. Потом представил Грифон-12, стоявший в доке, — на маленькую белую звезду рядом с кабиной, которую он сам нарисовал. Завтра он полетит на челноке к «Громовержцу», и в ангаре «Спец-1» — он ещё не знал названия — его будет ждать машина, которую он никогда не видел.

Он поднял термос, отвинтил крышку. Пар пошёл вверх, пахнувший крепким чаем и чем-то травяным. Он отпил. Горячо. Хорошо.

Руки дрожали чуть меньше.

Он не знал, чай это или что-то другое. Он посчитал — по привычке, не от страха: один, два, три, — и пошёл обратно к своим, к теплу, к музыке с помехами, к последнему вечеру в доме, который переставал им быть.

Глава 6: На борту «Громовержца»

Челнок отошёл от «Немезиды» в 05:20, и Вей в последний раз увидел свой линкор со стороны. Он смотрел в иллюминатор — маленький, круглый, покрытый разводами от многократной дезинфекции, — и «Немезида» уплывала: серо-стальная громада в два с половиной километра, вся в наростах антенн, орудийных спонсонов, ангарных зевов, вся в потёках от двигателей и заплатах на броне. Она казалась огромной. Она была огромной. Она была домом для тех, кто в ней жил.

Потом челнок повернул, и впереди, в лобовом остеклении кабины, проступил «Громовержец».

«Немезида» перестала казаться огромной.

Дредноут рос. Сначала он был точкой на фоне багрового карлика — тёмной точкой, вокруг которой марилось искажённое гравитацией пространство. Потом точка стала пятном. Потом пятно стало стеной. Потом стена перестала помещаться в остеклении, и Вей понял, что смотрит уже не на корабль, а на ландшафт — на бронированный горный хребет, протянувшийся поперёк звёзд, с городами огней вдоль борта, с ущельями ангарных зевов, с башнями главного калибра, торчащими, как утёсы.

— Мать честная, — сказал Громов.

Он сидел у соседнего иллюминатора, и впервые на памяти Вея голос ветерана звучал тихо. Громов повидал всё — четыре кампании, Кеплер, Вольф, Тигарден, — и его трудно было чем-то удивить. Но сейчас он смотрел в иллюминатор, и рыжая борода не шевелилась, и маленькие карие глаза были широко открыты, как у того матроса с красной шеей.

— Мы думали, «Немезида» большая, — сказал Громов. — Это не корабль. Это город. Нет — это не город. — Он искал слово. — Это континент, который научили летать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.